

ФЕНОМЕН „ЭКОНОМИЧЕСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА” В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Конф.унив. др., Илларион КИСТРУГА, МЭА

Abstract. *The „economic imperialism” phenomenon inevitably affects the formation process of methodological diversity of contemporary political philosophy. The article is an attempt to understand, whether the economic imperialism is able to help political philosophy to better understand the peculiarities of political entity. Political philosophy regards the intellectual claims of economic imperialists as intellectual moments of societal production and reproduction - with all its structures based on oppression, inequality and violence. All this creates premises for its ideological critic. Exercising this function, political philosophy is realizing herself in the logic of „critical theory”. This is a critique of forms and conditions of domination in a society, held at the level of cultural and theoretical instrumentary. Therefore, a consequent political philosophy is always a status-quo critique, an oppositional thought – a thought in opposition to the prevailing ideas about the essence of the political entity.*

Возможно, не случайно, возрастание «агрессивности» экономического империализма совпадает с 2008 годом – годом начала мирового экономического кризиса. Ведь кризис бросил мощный вызов экономической теории и практике. Невзирая на триумфальное шествие новой институциональной экономической теории (НИЭТ), достижения которой были уже трижды отмечены Нобелевскими премиями по экономике – в 1991 г. (Р. Коуз), 1993 г. (Д. Норт), 2009 г. (О. Уильямсон, Э. Остром), методология этого направления, по мнению некоторых экономистов, остается практически не разработанной. Некоторыми экономистами данное обстоятельство объясняется отсутствием единой теории, методологическим разнообразием. Нам же кажется, что как раз недостатком методологического разнообразия, выходящего за рамки непосредственно экономической теории, объясняются некоторые проблемы современной социальной теории. А поскольку

феномен „экономического империализма” существенно влияет и на процесс формирования методологического разнообразия современной политической философии, необходимо постараться понять, что, собственно, стоит за этим термином, и способен ли экономический империализм помочь политической философии лучше разобраться в особенностях политического бытия.

Неизбежно упрощая, суть экономического империализма выражается в распространение методологии неоклассической экономической теории на изучение процессов, традиционно относимых к сфере ведения других социальных дисциплин – социологии, политологии, юриспруденции, психологии, демографии, антропологии и т. д.

Основу для экспансии экономической методологии в смежные отрасли знания составляет строгое соблюдение следующих принципов неоклассического подхода:

- принцип методологического индивидуализма, сущность которого состоит в признании за индивидом статуса единственного субъекта, способного совершать рациональные действия в социальной системе;

- анализ человеческого поведения строится на основе стандартной модели „homo economicus” („человека экономического”), предполагающей рациональное следование стратегии максимизации индивидуальной полезности в условиях заданной системы ограничений;

- характер целевой функции индивида и лежащие в ее основе индивидуальные предпочтения полагаются сравнительно стабильными во времени и независимыми как от социальной среды, так и от изменения внешних ограничений (системы цен и доходов в широком понимании);

- процесс выявления индивидуальных предпочтений моделируется в терминах рыночного взаимодействия: предполагается, что отношения между людьми во всех сферах их деятельности могут быть описаны в тех же терминах взаимовыгодного обмена, что и отношения по возмездному трансферту экономических благ;

- при исследовании различных типов рыночного взаимодействия анализируются проблемы, аналогичные тем, которые ставятся в неоклассической экономической теории, то есть проблемы о существовании и путях достижения рыночного равновесия, его характеристиках в терминах стабильности и эффективности.

- Безусловно, существуют различные подходы в трактовке феномена „экономического империализма”. Например, „С. Гуриев определяет экономический империализм как тенденцию использовать экономические методы для работы над проблемами социологии, политологии, права, психологии, антропологии и других наук об обществе и человеке” [Гуриев. 2008. с. 134-135]. Согласно Гуриеву эта тенденция проявляется двояко:

- экономисты активно изучают другие области с помощью своих методов („экономисты расползаются по соседним дисциплинам” [Гуриев. 2008. с. 141]).

- экономические методы заимствуются представителями других наук („примерно половина профессоров политических наук в ведущих вузах работают в так называемой "парадигме рационального выбора” [Гуриев, 2008, с. 135]).

- привнесение в другие сферы знаний об обществе научной методологии в широком смысле („именно экономический империализм и приносит в общественные науки методологию верификации и фальсификации теории”), это, по его мнению, делает экономический империализм „необходимым условием развития других общественных наук” [Гуриев. 2008. с. 141].

Но некоторым экономистам, тезис, об экономическом империализме как *sine qua non* (непрерывное условие) условия развития научного гуманитарного знания представляется недостаточным. По мнению К. Яновского, экономика должна быть рамочной дисциплиной, „координирующей междисциплинарные исследования с участием политологов, социологов, психологов и юристов” [Яновский, 2009, с. 125]. Примечательна сама аргументация, поэтому приводим здесь некоторые его доводы.

Экономическая наука должна играть роль рамочной дисциплины, „потому что в сообществе экономистов по сравнению с другими научными сообществами:

а) заметно меньше носителей „левых” идей; б) больше людей, политически ответственных; в) меньше людей, склонных к морализаторству; г) еще встречаются люди, скептически относящиеся к универсальности всеобщего избирательного права [Яновский, 2009. с. 125, 126. 135-136].

Подобная „продуктивность” экономической мысли в области политологии не свойственна исключительно Яновскому. Для лауреата Нобелевской премии по экономике Г. Беккера, которого Яновский, и не только он, справедливо называет „экономическим первоимпериалистом”, суть экономического империализма состоит в применимости экономического подхода „ко всякому человеческому поведению” (Беккер, 2003. с. 35], включая и политическое поведение. При этом „сердцевиной” экономического подхода Беккер называет „предположения о максимизирующем поведении, рыночном равновесии и стабильности предпочтений” [Беккер, 2003. с. 321].

Что касается демократии, то Беккер определяет ее как „свободную конкуренцию групп давления за политические привилегии” [Беккер. 2003, с. 380]. Структура множества этих групп зависит, по Беккеру, от свободного распределения индивидов, обусловливаемого такими их характеристиками, как профессиональная и отраслевая принадлежность, доход, место жительства, возраст и т.д. Цель каждой группы давления - использовать политическое влияние для улучшения благосостояния своих членов. Конкуренция групп давления обеспечивает, согласно Беккеру, „равновесную структуру” политических привилегий [Беккер. 2003. с. 356].

Аргументированную критику методологических притязаний экономического империализма, с точки зрения классической политической теории, осуществляет М. Урнов, [см. „Экономический империализм” глазами политолога // Общественные науки и

современность, 2009, № 4.] Мы же постараемся посмотреть на этот феномен через призму политико-философской рефлексии.

„Экономический империализм” не схватывает принципиальную особенность политического бытия, заключающуюся, в том, что политические предметы не существуют как «объективные факты», не зависящие от восприятия их, отношения к ним, обращения с ними людей. Еще менее правильно было бы сказать, что их политическая „природа” обусловлена их принадлежностью особой сфере общественной жизни, называемой политической, которая объективно дана нам – с ее законами, механизмами, функциями – наряду со сферами экономики, культуры, интимной жизни и т.д. Напротив, политические предметы становятся таковыми вследствие наделяния их политическими смыслами определенным образом ориентированными действиями людей. Политика и есть специфический вид духовно-практической деятельности людей, создающей некоторые предметы в качестве политических, равно как и границы, а также структуру той зоны общественной жизни, на которой политика осуществляется.

Особенности этого вида духовно-практической деятельности, обусловлены тем, что политика имеет дело с конфликтами между людьми, причем такими, которые затрагивают „общие условия” их совместной жизни. К тому же такие конфликты не допускают чисто „рационального” их разрешения посредством убеждения одной силой аргументов и добровольного принятия открывающейся таким образом „истины” всеми сторонами конфликта при их полном равенстве. В этом состоит различие между „научными проблемами” и „политическими”. Если бы политические проблемы были сводимы к „научным”, то политика стала бы (пусть „в конечном счете”) не нужна. Представлениями о такой сводимости питаются, на наш взгляд, методологические установки экономического империализма. Признание же несводимости политических проблем к „научным” (техническим, административным, моральным и т.д.) делает власть и насилие – в качестве основополагающего метода реализации власти – ключевыми категориями политической философии. В этих

условиях политика как таковая, а не только определенный вид ее, приобретает освободительное значение. Насилие как ключевую категорию политической философии, конечно же, нельзя отождествлять с „физическим принуждением”. Последнее при его актуальном применении вообще есть показатель неэффективной, незрелой и даже, по Никласу Луману, „исчезающей” власти.

Вышеизложенное отнюдь не означает то, игнорируется „политическая рациональность”, будто политика является „иррациональным” процессом *par excellence*. Напротив, разум и рациональность также выступают ключевыми категориями политической философии. В конце концов, все политические акторы действуют или стремятся действовать стратегически – в соответствии с логикой максимизации или оптимизации своих так или иначе понятых интересов, и, игнорируя эту логику, мы окажемся в плену самых деформированных представлений о политике. Однако политический реализм не есть синоним политического или экономического цинизма, сводящего всю политику к игре стратегических интересов. Реальность, игнорируемая экономическими империалистами такова, что нравственное долженствование может влиять на наши действия, вполне „вписывающиеся” в рутину политической жизни, хотя в чем-то, пусть в малом, „корректирующие” ее. Вот почему, первостепенной задачей политической философии является раскрытие форм и способов участия нравственного (а не только инструментального) разума в осуществлении разных видов политики. Без такого раскрытия невозможен подлинный политический реализм – в его отличии от цинизма. Ведь в том и дело, как писал Гегель, что „долженствование есть в такой же мере и бытие”. [Гегель Г.В.Ф. 1977, с. 339.] Именно таким образом понятие „бытие” выступает общим предметом политической философии, и именно данное обстоятельство игнорируется методологией экономического империализма. Уточним, что „должное” – это конкретная воля, а не пустое мечтание безучастного наблюдателя явлений действительности. „Действительность” же, есть соотношение общественных сил, даже если

устойчивая традиция сообщила этому наблюдателю, кажимость „естественного порядка вещей”. Такая действительность, в свете сказанного, исключают любые представления о детерминации политики чем-то внеположенным ей – от Провидения до „императивов экономического взаимодействия”. Политика – „первичная реальность” общественной жизни людей. Методология экономического империализма не учитывает специфические для каждой исторической ситуации обстоятельства, создающие эту реальность.

Сказанное позволяет уточнить отличия политической философии от других, в том числе экономических, теоретических дисциплин. Если мораль в приложении к политике отодвигается в область нравственной оценки, то данная область оказывается *потусторонней* политике как таковой. Находясь в ее пределах, невозможно ни вывести моральные оценки и требования из логики самой политики, ни показать действительные политические механизмы, благодаря которым такие оценки и требования необходимым образом могли бы входить в „реальную жизнь”. Иными словами, ценой будет *деполитизация* политической философии. Политической философии, чтобы остаться политической, необходимо преодолеть свою производность от моральной философии и подойти к нравственному должествованию под своим специфическим углом зрения, а именно – поставив вопрос о том, каким образом оно *работает* (или почему оно не работает) в политике. Именно такой подход приходит на смену традиционным для моральной философии вопросам о том, как правильно нравственно оценивать политику или какой она должна быть в соответствии с нормами морали. Данное обстоятельство обуславливает полемичность политической философии по отношению к сциентистским формам общественнознания. Такое отношение выходит за рамки собственно академических дискуссий. Это означает, что политическая философия воспринимает методологические претензии экономических империалистов, не в качестве самодостаточных явлений изолированной сферы академической

жизни, а как необходимые, в данном случае, интеллектуальные, моменты производства и воспроизводства общества – со всеми присущими ему структурами неравенства, угнетения и насилия. Само выявление способов участия теории в производстве и воспроизводстве общества означает их идеологическую критику, критику форм их существования в качестве якобы „только знания” и „чистой теории”. Осуществляя эту функцию, политическая философия реализуется в логике „критической теории”. Это критика форм и условий господства в обществе, проведенная и на уровне их культурного и теоретического инструментария. Поэтому последовательная политическая философия неизбежно есть критика статус-кво, есть *оппозиционная мысль* – мысль в оппозиции к господству существующих представлений о сущности политического бытия.

Критичность и политической философии означают, что она сознательно становится, или стремится встать, на точку зрения тех общественных сил, чье сопротивление определенным существующим институтам и явлениям культуры позволяет опознать их в качестве институтов и культурных явлений господства. Политическая философия есть попытка артикуляции сознания общественных сил, есть идеологическая критика универсалистских претензий экономического империализма. Такая критика позволяет разглядеть исторический и политический контекст, позволяет ставить задачу перехода от его (мнимой) универсальности к особенностям „точек зрения” борющихся социальных сил. Реальность такова, что в качестве таковых сил выступают и угнетенные. Соответственно, достоверность истине (данной исторической ситуации) сообщает страдание, а политической ее делает борьба с тем, что это страдание вызывает.

Данное обстоятельство создаёт иную политическую перспективу. У Гегеля „частное в большинстве случаев слишком мелко по сравнению со всеобщим: индивидуумы приносятся в жертву и обрекаются на гибель. Идея уплачивает дань наличного бытия и брэнности не из себя, а из страстей индивидуумов” (Гегель Г.В.Ф. 1977, с.32). Историческая истина страдания и борьбы есть

непрятие любой „идеи“, заставляющей расплачиваться за свое осуществление „страстями“ других и полагающей, что данное обстоятельство никоим образом не компрометирует ее целесообразность. Современное протестное движение опровергает ее претензии на „всеобщность“ и низводит ее к статусу частного, а именно, к „точки зрения“ господствующих. „Точка зрения“ угнетенных, конечно, тоже является частной, но в ней есть момент всеобщего. Этот момент заключается в отношении к угнетению, осознаваемому протестным движением в качестве такового, как к *недолжному*. Именно поэтому в каждой специфической ситуации, политическая философия должна раскрывать сущность, границы и перспективы преодоления существующего положения вещей. Реализация методологического потенциала политической философии возможно только в условиях поиска и сохранения методологического разнообразия современного обществознания и без „империалистических“ амбиций любых её представителей. Возможно, уместно напомнить носителям таких амбиций, афоризм, приписываемый Гегелю: „Математика наука точная, потому что математика наука тощая“.

Литература:

1. АВТОНОМОВ В. *От „экономического империализма“ к стремлению к взаимообогащению //* *Общественные науки и современность*, 2010, № 3.
2. АНАНЬИН О. *За „экономический империализм“ без имперских амбиций, или О формах междисциплинарных взаимодействий.*//*Общественные науки и современность*, 2009, № 6.
3. БЕККЕР Г. *Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории.* М., 2003.
4. ГЕГЕЛЬ Г.В.Ф. *Энциклопедия философских наук.* Т. 3. М.: Мысль, 1977.

5. ГУРИЕВ С. *Три источника - три составные части экономического империализма* // *Общественные науки и современность*, 2008, № 3.
6. КАПУСТИН Б. *Что такое „политическая философия“?* // *Политические исследования*, 1996, № 6, 1997, №№ 1,2.
7. КАПУСТИН Б. *Конец „транзитологии“? (О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия).* // *Политические исследования*, 2001, №4.
8. КАПУСТИН Б. *К понятию политического насилия.* // *Политические исследования*, 2003, №6.
9. КАПУСТИН Б. *Современность – как принуждение и как свобода* // *Вопросы философии*, 1998, № 4.
10. КАПУСТИН Б. *Заметки об „общественной морали“.* // *Вопросы философии*, 2006, № 12.
11. ЛИБМАН А. *Границы дисциплин и границы сообществ (Два аспекта экономического империализма).* // *Общественные науки и современность*, 2010, № 1.
12. РОЗОВ Н. *От дисциплинарного империализма – к обществознанию без границ („Шенгенский” проект интеграции социальных наук)* // *Общественные науки и современность*, 2009, № 1.
13. САБУРОВ Е.Ф. *От дисциплинарного империализма к гедонистическому утилитаризму* // *Общественные науки и современность*, 2008, № 6.
14. ТАМБОВЦЕВ В. *Перспективы „экономического империализма“.* // *Общественные науки и современность*, 2008, № 5.
15. УРНОВ Б. *„Экономический империализм” глазами политолога* // *Общественные науки и современность*, 2009, № 4.
16. ЯНОВСКИЙ К. *Несколько примеров методологии, или „Экономистам не в чем каяться!“* // *Общественные науки и современность*, 2009, № 2.